

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

ПО ПОВЕСТИ Н.В. Гоголя

ЧАСТЬ II

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Кузнец остановился. Ему почудился голос и тоненький смех Оксаны. Бросивши на землю мешки, побрел он с маленьким мешком следом за девичьей толпой.

— А, Вакула, ты тут! — сказала Оксана с усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума... — Ну, много наколядовал? А черевки, которые носит царица, достал? достань черевки, выйду замуж. — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный, стоял кузнец на одном месте. „Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Ее взгляд, и речи, и все, ну вот так и жжет... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь, и поминай как звали!“

Догнал он толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твердым голосом:
—Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Пробежавши несколько улиц, Вакула остановился. „Куда я, в самом деле, бегу? ПоЙду-ка к Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей, и все сделает, что захочет“. Черт при этих словах запрыгал от радости, но кузнец, подумав, что зацепил мешок рукою, ударил по нему дюжим кулаком.

—Я к твоей милости пришел, Пацюк! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого черта. Сделай милость, расскажи, как попасть к нему на дорогу.

—Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами.
„Что он говорит?“ — подумал Вакула. Тут он заметил, что галушки
исчезли и появились две деревянные миски с варениками и сметаной.

Пацюк разинул рот, поглядел на вареники. Вареник выплеснул из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. „Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь!“ — подумал кузнец и опрометью выбежал из хаты.

Однако ж черт, сидевший в мешке, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, черт выскочил из него и сел верхом ему на шею.

**Мороз подрал по коже кузнеца. А черт сказал:
— Это я — твой друг, все сделаю для товарища и друга! Денег дам
сколько хочешь. Оксана будет сегодня же наша.
Кузнец стоял, размышляя.**

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!
Черт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья».

—Я готов подписать контракт,— сказал кузнец.— У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвозды!— Тут он заложил назад руку и— хватить черта за хвост.

Не выпуская хвоста, кузнец вскочил на черта верхом и поднял руку для крестного знаменья.

— Помилуй, Вакула! Не клади на меня страшного креста!

— Тогда вези меня сейчас же на себе! слышишь, неси, как птица!

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Но тут она увидела кузнецовы мешки и предложила подругам утащить их в хату и разглядеть, что в них. Побежали за санками.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках. Дьяк проткнул дыру в мешке, но вылезть при всех, показать себя на смех... Чуб не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но, услышав решение дочери, успокоился.

Тут из шинка вышел кум, расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг. Кум набрел на мешки и решил унести их к себе. Но так как они были тяжелы, уговорил прохожего помочь ему.

Кумова жена почти никогда не сидела дома. Все, что ни запрашивала у добрых людей, прятала подалее от своего мужа и часто отнимала у него добычу.

— Кто там? — закричала кумова жена, услышав шум в сенях.

Кум остолбенел. Опустивши мешок, приятели заступили его собою, но уже было поздно. Когда в ход пошла кочерга, Чуб вылез из мешка. — А что, — сказал он усмехаясь, — славную я выкинул над вами штуку?

Дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, выкарабкался из мешка.

— Вот тебе на! ай да Солоха! — изумился Чуб.

— Теперь я все знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она только мне одному...

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка, но потом
взвалили оставшийся мешок на санки. Мешок втащили в хату Чуба.
Тут голова стал икать и кашлять во все горло.
— Ах, тут сидит кто-то! — закричали все и бросились вон из дверей.

—Что за черті куда вы мечетесь как угорелые? — сказал, входя, Чуб. Голова был сильно смущен. Потоптавшись, он вышел из хаты.
—Ай да Солоха, чертова баба! А я дурак... — изливал свою досаду Чуб.

Все было светло в вышине. Можно было заметить, как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки, как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом.

Кузнец все летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург. Черт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

— Прямо ли ехать к царице? — спросил черт.
— „Нет, страшно“, — подумал Вакула.
— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!
Черт в одну минуту сделался маленьким, влез к нему в карман,
и кузнец очутился у запорожцев, которые с бумагами для царицы
проезжали через Диканьку.

С помощью черта упросил он их взять его с собой. Кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества важных дам и придворных. Но, преодолев свою робость, повалился царице в ноги и попросил ее черевички.

Государыня засмеялась и велела принести ему башмаки самые дорогие, с золотом. Обрадованный кузнец, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: „Выноси меня отсюда скорее!“ — и очутился за шлагбаумом.

— Утонул! ея-богу, утонул! — лепетала толстая ткачиха.
— Повесился! Кузнец повесился! — кричала баба с фиолетовым носом. — Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела этого собственными глазами!

Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! Красавица всю ночь не могла заснуть и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Настало утро. На всех лицах виден был праздник. Одна только Оксана стояла как будто не своя. Слезы дрожали на глазах. Уже отошла заутреня; потом обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?

Еще быстрее неся черт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. Проучив черта хворостинной, Вакула зарылся в сене и проспал до обеда.

Бережно вынул из пазухи башиаки, умылся, оделся как можно лучше, достал из сундука всех цветов пояс; положил все это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда увидел, что кузнец воскрес да еще посмел к нему прийти таким щеголем и запорожцем. Но еще больше удивился он, когда Вакула положил перед ним шапку и пояс, а сам повалился ему в ноги.

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей сколько душа пожелает. Только отдай за меня Оксану!

Чуб немного подумал, вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— *Добре!* присылай сватов!

— АА! — вскрикнула Оксана, переступив через порог.
— Погляди, какие я тебе принес черевки!
— Нет, мне не нужно черевков! я и без черевков... Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошел ближе, взял ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она так чудно хороша. Восхищенный кузнец тихо поцеловал ее, и лицо ее пуще загорелось...

Українохроніка, Київ (133), Щорса, 18
Госкино УССР
№ 3332 III 1988 г. Цена 30 коп.

КОЖЕЦ

РИСОВАЛА
Г. КИСЛЯКОВА

